Александра Беренштейн

В последний вагон

Документальная пьеса

Май - июль 2024 г.

Пьеса написана в рамках
курса документальной драматургии Un/Told 2024

Действующие лица:

Света, мама трансгендерного сына
Артем, сын Светы
Вика, мама трансгендерной дочки
Настя, мама трансгендерной дочки
Ксения, мама трансгендерного сына

***

Вика

Если честно, у меня была внутри какая-то такая борьба, а может быть, комиссия скажет, что это ошибка. А с другой стороны, если комиссия скажет, что это ошибка, а что же потом делать? Ну, вот она прошла комиссию, и я поняла с удивлением, что я этому рада. Вот потом, когда уже пошли слухи про принятие этого закона, я до последнего надеялась, что его отклонят. И в последний день слушаний, когда уже этот закон приняли, она пришла домой в слезах, что все пропало. “Я не успела, я тянула, я не подавала”.

Получается, у нее тоже были какие-то сомнения, почему она не подала документы сразу на замену? Но, тем не менее, документы она не подала. И в этот последний день я говорю ну, напиши, спроси, у тебя же там сообщество. Некоторые люди говорят, что еще документы принимают. И она написала, и сказали, что туда еще можно до какого-то 18-20 числа. И вот она в последний день побежала с подружкой, сдала документы. Как ни

странно, в нашем ЗАГСе к ней отнеслись с пониманием, очень вежливо, и даже заведующая ЗАГСа, которая принимала документы, сразу начала обращаться в правильном роде.

Света:

Если сейчас отмотать назад, я понимаю, что звоночки были. Практически с рождения. Я просто их не воспринимала вообще никак. Не то, что всерьез или в шутку, а никак. У меня долго не было детей, потому что были какие-то заболевания, потом мы попали с мужем в аварию, и, в общем, ребенок родился совершенно в любви, ожидаемый и чудесный. У меня были всякие проблемы: девочка родилась недоношенная, но мне казалось, что самая красивая. Ну вот люблю, обожаю. С момента зарождения идеи вообще. То есть, во первых, долгожданная, ну и, во вторых, и в третьих, тоже долгожданная, и, в общем-то, все условия: и красотка, и в лицо абсолютная копия папы. Там невероятное сходство, всегда друзья хохотали, что я ксероксом поработала. Просто одно лицо. То есть когда в роддоме я впервые увидела ребенка, я думала, на лицо посмотрю и решу, как назвать. Но только именем отца мне пришло в голову ее назвать, Женей, потому что там с рождения сходство, и конечно, он обожает ее.

Совершенно необыкновенный у меня был ребенок. Таких больше в мире нет. Всегда общительная. Никаких проблем не было познакомиться с кем-то. Много друзей, много детишек вокруг. В общем-то, обычный, но самый лучший на свете ребеночек. И всегда была склонность: не куклы, а машинки, например, не юбки, а брюки. Это было всегда. Даже был опыт, наверное, годика четыре ей было. Мы ездили в Абхазию, и мы хихикали с мужем, что у нас “абхазский мальчик” -- такая все загорелая, волосы по плечи, ну, совершенно мальчишеские. И в магазинах говорили, скажите мальчику своему, чтобы там аккуратно, не разбил что-нибудь с витрины. И я прямо хохотала от души, что мальчик, будь осторожен, пойдем домой.

Вика

У моей дочки такого не было. То есть она была… Звучит по-идиотски, “она была стандартным мальчиком”. Но по другому нельзя сказать. Играла с машинками, роботы трансформеры, Звездные войны, Лего, а потом вот так раз -- и всё.

То, что ребенок нестандартный, это было ясно с самого начала. То есть, допустим, в три года он научился сам считать. Это выглядело так: у меня был день рождения, я накупила продуктов, принесла домой. Он взял у меня сумку, начал складывать в холодильник, говорит, -- Мама, зачем тебе три пачки масла? -- Я торт буду печь. Погоди, что ты сказал? -- Зачем тебе три пачки масла? -- Ты что, считать умеешь?

В пять лет он уже свободно читал, потом почему-то в шесть забыл. Потом опять научился. Я не знаю, почему. Вывих в сознании. И да, он всегда был белой вороной. Но я тоже всю жизнь была белая ворона. Меня тоже в школе не любили. Я тоже интроверт. Я тоже не любила общаться с людьми, читала книжки постоянно. Ну да, понятно было, что он не такой, как все, но сначала я предполагала, что он просто гей.

И я читала книгу Улицкой “Даниэль Штайн. Переводчик”. Там одна из главных героинь узнала, что ее сын гей. Пошла побеседовать со священником, Даниэлем Штайном, главным героем. И он ей сказал, “Девочка, мы пережили Холокост. Пойми. Твой ребенок жив, он в безопасности. Ты должна быть счастлива, что он жив и в безопасности. Ну, он гей. Ну, так получилось. Я могу только посочувствовать, потому что женщины -- они такие красивые, прекрасные, а он любит мужчин. Нам это не понять, но ты радуйся, что он живой”. Я прочитала, думаю, ну, ему, конечно, хорошо, советовать. Он-то священник, у него-то детей нет. Потом, когда я стала подозревать, что мой сын -- гей, я думаю ну, вот, поржала над этим эпизодом — получи, фашист, гранату.

Настя

А мой ребенок, она очень, ну, изначально очень общительная, она не может без каких-то там тусовок, шуточек каких-то там, в школе, в классе все ухохатывались от нее. Было очень веселое школьное время. В общем-то, такой человек, очень коммуникабельный, общительный. Где-то до 12 лет это был обычный такой ребенок, мальчишка. И у него, у нее, были у него друзья там в школе, мальчики. Мы не видели никаких проблем. Потом появился компьютер и мы стали терять этого ребенка, как-то все стало не очень.

Нет, это даже раньше, чем 12 лет, раньше. Как она мне говорит, у нее где-то лет с 12 началось ощущение того, что она девочка. Но это было вообще не видно! На самом деле мы, не мы, а я, как-то прозевала все.

Света

И моя наверное лет в 12 как-то так забавно, по-детски сформулировала, что “я не хочу быть девочкой”. Я, честно говоря, похихикала. Ну и что дальше? Электроником хочешь быть? Кем, как? В общем, похихикали. И она замолчала. Наверное, года на два. А я там по всяким своим необходимостям ходила к психоаналитику и на разные темы разговаривала. Один раз показала ей фотографию, и она как-то потихонечку, очень деликатно начала меня настраивать именно на эти мысли, что тут, как бы, дело-то посерьезнее. А в 14 лет у нас состоялся такой уже открытый разговор.

Артем

В мой день рождения, в свои 14 лет я маме сделал подарок ахахахаха. У меня был забронирован стол в антикафе, пора было выходить отмечать с друзьями. И я такой, надо маме сказать. Я не смог просто сказать, мне было проще написать. Я написал такое письмо, не помню, что именно я там написал. Это у нее надо спросить, наверное, оно у нее до сих пор есть. Может, и нет, не знаю. Написал, что вот такие дела. Я Артём. Свернул его, положил ей на тумбочку, сказал, там есть письмо на тумбочке тебе, ты его прочитай. И посмотри ВКонтакте. И я поехал на день рождения, а ВКонтакте ей скинул два видео, более менее объясняющих, что это такое.

Вернулся из кафе, говорю "Ну, чего?" Она такая, да я так-то подозревала. Я такой, чегоооо? кааааак? Непонятно. Она мне сказала, что у меня были несколько раз какие-то истерики-не истерики, в которых я что-то такое ляпнул, и в результате она сама в интернет полезла. И вообще, вероятно, раньше меня узнала, что это такое.

Света

Дело в том, что у человека, который совершает переход, да, это процесс, но это, допустим, осознанное решение и большое желание. А для родителя это ведь тоже процесс. И без всякого желания на то. И надо победить свое отчаяние и отчаянное нежелание это принять. Поэтому я, конечно же, в процессе. Года два, наверное, я просто ревела, потому что так мне хотелось, чтобы все вернулось на круги своя и чтобы это все прекратилось, и всё. Я очень сильно надеялась, что так оно и будет. Ревела, ревела каждый день. Я прошла все эти стандартные стадии. Сначала я злилась, первой мыслью,

естественно, была мысль о том, как это все будет восприниматься в окружающем обществе. У нас был договор с ребенком, что да, я принимаю, но я периодически по разному на это реагировала. То меня швыряло в истерики, то я злилась. Мне кажется, поворотным моментом была беседа с психологом. Я ей жалуюсь, жалуюсь. И она говорит, "Что, лучше было бы, если бы ребенка не было?". И всё, это было для меня какой-то точкой отсчета, что я перехожу к периоду принятия, хотя это очень тяжело.

Вика

А потом, года через два, он признался, что он не гей, а девочка. Это был уже девятый класс. Посадила меня на диванчик. Нам надо поговорить. Я напряглась, но села. И она мне все это рассказала. Это был, конечно, шок. И у меня был такой нервный смешок. Первое время я к этому всегда относилась с нервным смехом. Пока она мне не сказала “Мама, я думала, ты будешь плакать, рвать волосы, а ты сидишь ржешь. Это нервное. Расслабься”.

Я думала, может я не туда посмотрела во время беременности, не о том думала. Вот, наверное, я во время беременности нервничала. А может, я не так воспитывала? Может быть, это мои разводы так сказались. А может быть, надо было сделать так или сяк. Ну, кто его знает, врожденное оно или приобретенное. Никто не может сказать.

Когда я проходила свою педагогическую практику в детском саду, это было бог знает когда, это были двухтысячные, наверное. И я попала в группу маленьких детей. Три годика, наверное. Самые самые мелкие. Я помню, что там был мальчик Артур, три года, из кавказской семьи, черненький, кудрявенький, с черными волосами. Артурчик искренне считал себя девочкой. То есть когда воспитатель говорила, что сейчас девочки берут горшок и идут писать, Артурчик хватал горшок и бежал, его постоянно приходилось останавливать. Девочки идут мыть ручки, мальчики собирают игрушки, Артурчик несется мыть ручки. Играл он только с куклами, только с девочками. Вот это что у него, врожденное или приобретенное? В кавказской семье! Мне страшно вообще представить, как потом сложилась жизнь у Артурчика, потому что у меня много знакомых кавказцев. Ему пришлось очень нелегко, я думаю.

Света

Сложности ежедневно возникают при ее образе жизни. Но ее же это не пугает. А проблема-то ежедневная. Когда я начала об этом думать, сходить в туалет, переодеваться на физкультуру. У нее еще была такая фраза. Она говорила, что когда ко мне обращаются как в женском роде, у меня каждый раз ощущение, что меня изнасиловали. Ну, ужас. Тем не менее, сейчас так, как есть. Я мучительно подбираю слова, чтобы избежать мужских или женских окончаний. Это непросто, и я вижу, что она тоже подбирает слова. То есть она избегает при мне говорить о себе в мужском роде. Меня это коробит до сих пор. К этому я очень трудно привыкаю.

Вика

У нас месяц назад в чате была девушка, которая прямо истерила по поводу того, что она услышала, как в разговоре папа и бабушка назвали ее старым именем. Для нее это была прямо трагедия, и ей родители пытались объяснить: это же часть нашей жизни. Мы же не можем взять и выкинуть 15-20 лет своей жизни просто так. И моя дочка к этому относится спокойно. Тем более, что когда я жила в России, и мелкий ребенок еще не знал, мы все равно общались так: Данила, привет! Сейчас, когда мы общаемся, я обращаюсь в женском роде, но, тем не менее, когда мы говорим о прошлом, могу сказать “он”. Мелкий путается. Я его поправляю.

Света

Мою маму очень подкосила пандемия, когда она оказалась запертой в квартире. Ну и потом пошла деменция. Потом я ее забрала к себе. Потом она сломала шейку бедра. И что интересно, деменция это прикольное состояние. Никогда не знаешь, человек сейчас в этом космосе или в каком-то другом, и ее перемыкало, видимо, она и меня не узнавала порой. Но она называла ребенка в мужском роде. Так интересно. То есть, когда ее уносило в сознании, она называла ее в мужском роде. Мы это обсуждали, так забавно. И ребенок говорит: моя бабушка чувствует. То есть мы ей ничего не объясняли. Она как будто бы сама перешла, ничего не зная. Это было очень забавно. Мы с ребенком списывали это на нормальность, нам казалось, что это нормальное явление, а все остальные думали, что такое состояние у человека.

Вика

Причем на гормональную терапию дочка перешла без помощи врачей! в 15 лет! Она сказала: ты можешь быть против, но я начинаю гормональную терапию. Я, естественно, была против, попыталась побеседовать, но я знаю, что у дочки характер. Чем больше отговариваешь, тем хуже будет. Она говорит, не переживай. Все будет под контролем. Специальные чаты, общение в интернете и общение с такими же людьми, как она. Все это было узнано, распрошено, дозировки рассчитаны, явки, пароли выданы. Они друг друга поддерживают.

Тогда еще в России продавался гель Эстрожель, он был безрецептурный. Первые лекарства покупала она сама себе. А потом, когда с этим стали возникать проблемы, допустим, запретили онлайн доставку, тогда уже я ходила в аптеки, чтобы у аптекарей не было вопросов. Поэтому бороды, усов, ломки голоса, кадыка, этого вообще у нее нет. В общем-то, это красивая, изящная, очень красивая, очень высокая, длинноногая женщина.

А на переход она успела, причем вскочила в последний вагон. Естественно, я сказала, что если ты хочешь менять документы… ну, если честно, я, как все родители, надеялась, что это какая-то ошибка. Поэтому я сказала: хочешь менять документы -- зарабатывай на это сама. Она устроилась на свою первую работу, стала копить деньги, и я видела, что она не очень-то спешит. То есть, когда человеку что-то очень хочется, он **все** деньги откладывает. А она покупает себе всякие штучки и не отказывает себе в удовольствиях, в поездках.

И я думала, что год еще протянет, второй, третий, а там, может быть, что-то изменится. Она закончила колледж, устроилась на работу. И вот теперь мы ждали, что все уладится. И тут грянула мобилизация.

Настя

Это случилось как раз в те же дни. Ну, может быть, чуть попозже, когда вот все события наши. Начались. В феврале 22-го. И ну, это как бы, очередной какой-то шок был.

И тогда я начала как-то думать, что же теперь с этим делать. Я абсолютно была далека от этой темы. Абсолютно. Для меня это было вообще что-то такое очень далекое и не про

нас как то. Я не знала вообще никогда, что это нас коснется. Я к таким людям как то относилась тоже с подозрением. И для меня это было очень все чужое. У нас вообще такая семья традиционная, православная такая вот.

И все было хорошо, все шло как по маслу. В общем-то, было все как то спокойно. И это все было от нас очень далеко. Все эти какие-то непонятности. Какие-то люди странные бывают. Я даже об этом не думала. Даже мне было не интересно, на самом деле. И так вообще побаивалась даже, когда узнавала, что, допустим, у знакомых кто-то такой, мне немножко не хотелось даже общаться. Ну, с людьми нетрадиционными. Мне казалось, что это какие-то издержки воспитания. Может быть, это что-то такое, ну, что-то необъяснимое для меня, как инопланетяне какие-то. Ну вот. И, значит, вот где то года два назад...

Перед этим мой ребенок, который был мальчиком, он долгое время страдал какой-то необъяснимой депрессией. И, в общем, это все усугублялось. Мы ничего не могли понять. Я думала, что вот он куда то там пойдет, что то такое будет там типа увлекательного для него, и вот он найдет себя в этом. И какие то там были предложения кружков каких то интересных. Ну, во первых, учиться он не мог. Пришлось перейти в такую онлайн школу, потом в школу для тех, кто вообще не успевает. Закончить там девятый класс, хотя бы. Потом помогли ему поступить в творческий колледж, такой интересный, частный. В общем, он не смог там учиться, бросил. Но, в общем, какое то такое странное у него состояние такого увядания. Он пошел в этот психдиспансер, когда начался ковид. Там какое то время ходил, вроде бы немножко стабилизировался. В психическом отношении. Вроде ему полегче стало.

Но это мало что меняло. Работать не мог, учиться не мог. Сначала он... Давайте я буду говорить он, потому что это было до перехода. Мы успели в последний вагон, можно сказать, когда уже вышел этот закон, но еще не начал работать. И мы быстренько нашли денег, поехали в Москву, там все сделали.

Я, конечно же, испытала облегчение, когда поняла, из за чего это все. Я хочу, чтобы мой ребенок просто был жив. Вот и все. Я хочу, чтобы мой ребенок не страдал и был жив. Но страдания, конечно же, все равно будут, так или иначе.

Ксения

То есть жить в мире, в котором ты, в котором ты человек, скажем так, 10-го сорта, где ты не можешь никому открыться, ты как прокаженный, который постоянно вынужден прятаться от всех, от всего. В средневековье были прокаженные в коричневых робах с шипами, они не могли ни до кого дотронуться, ни с кем не заговорить. Вот в таком коконе, будучи постоянно преследуемым, постоянно обсуждаемым, вообще даже непонятно, мне непонятно, за что. Это отвратительно, это настолько способно сломать психику и изуродовать вообще нутро человеческое. Я пытаюсь себе представить просто элементарно будничную жизнь. Ты встал, умылся, включил телевизор? Ага. Ты вышел на улицу? Ага. Куда бы ты ни зашел, куда бы ты ни вышел из магазина, больницы, всего, чего угодно, везде вот это “Ага”. И они же чувствуют себя изгоями. Я с трудом представляю, как бы я могла даже просто выживать вообще в такой атмосфере. Я не говорю уже о том, чтобы как то себя проявлять, чего то уметь, чего то достичь, скажем, в карьере, и так далее, и так далее. Это какой то мрак просто, это ад.

О каких то мифических вещах, чудесах, я говорить не могу физически, потому что я, наверное, могла бы об этом порассуждать, если бы речь шла не о сроке в 12 лет, который сейчас светит, а, например, о плохих отношениях со сверстниками. Не знаю, мне очень тяжело, я не ожидала. Я могу разговаривать только о каких то конкретных таких вещах. И я не могу разговаривать о том, как мне тяжело. Мне не тяжело. Я не имею права, чтобы мне было тяжело, плохо, страшно, или еще что-то. Я это все почувствую потом. Вот сейчас не надо. Это война, это война, поле боя.

Артем

Я еще с родителями жил, и у меня особо своих денег не было, возможности их как то заработать не было. Поэтому я без особых надежд вообще на то, что я в каком то ближайшем времени сменю документы, думал, что до 4го курса прохожу так и буду ко всем подходить, говорить "Я меняю документы, просто так долго, знаете, это очень долго" и все такое. Меня это немножко, конечно, расстраивало, но в целом у меня окружающая группа людей была всегда комфортная. Короче, нормально мне было, в общем и целом.

Денег я бы, может, и собрал, потому что там получается, сама комиссия, наверное, что то типа 15-20 000. Но это же в Москву еще надо прилететь, в Москве где то остаться. Ну и жить, естественно. То есть это затраты. Но я с родителями жил. И, собственно, я думал,

что если я никому ничего не скажу про смену, то мама не будет со мной разговаривать какое то время, потом нормально станет, либо будет игнорировать этот факт смены документов, либо не будет игнорировать. А с отцом то там вообще непредсказуемая ситуация. Поэтому я даже не надеялся вообще ни на что.

И тут начали появляться новости про этот закон. И я помню, все были в таком шоке, что про нас заговорили. Я вообще подумал, что бред какой то. Это, наверное, просто внимание отвлечь, не будет никто сейчас этим заниматься. Потому что, чего это вдруг вообще, с чего это такое привалило? Кто им о нас напомнил? А потом что-то начало двигаться и даже обсуждаться. И я уж не помню, если честно, что у меня тогда в голове было. Я подумал, ну, как повезет, блин. Мама сама меня спросила про этот закон.

Света

Я даже не помню, как мы договаривались. У меня, видимо, мозг эти подробности просто выкидывает. Помню, что она ко мне пришла прям на работу, и говорит, что скоро выйдет закон. И тогда уже всё, западня. Если сейчас не оформить документы, то их может вообще никогда не оформить. И у меня, конечно, был такой сложный период, потому что у нее нет денег, естественно, и я ее финансирую. И у меня душевные метания, что я своими руками делаю то, чего я, в общем, не хочу, чтобы происходило. Но с другой стороны, у меня в голове все таки сидит, что я своего ребенка поддерживаю. И я, как бы это словами передать: я не понимаю, но я все равно делаю. То есть, почувствовать это я не могу, но какое то седьмое чувство мне подсказывает, что так моему ребенку лучше. Поэтому я… А кто еще рядом? Я не могу сказать что то у нее кто-то еще есть, кто такую поддержку окажет.

Ксения

В первую очередь надо зайти самостоятельно в любое учреждение, неважно, медицинское, учебное, официальное. Если будет необходимость ребенку общаться с представителями органов, то надо сделать несчастное лицо, сказать, что да, вот ребенок у меня такой вот. Мне, видимо, повезло с беззащитной внешностью. Я не вызываю страх у людей. Я прихожу, и я могу показать, что я слабая. И только вы меня можете спасти. А это не так, конечно, но люди верят.

Ну и взятки. Все как обычно, хотя бы в небольших количествах. То есть, конфеты какие-то, какие-нибудь вкусные наборы к каждому празднику. И сделать это каждому, не главврачу, лично сходить к каждому, кто с ребенком контактирует, и сказать, Здравствуйте, мы к вам в гости. Как то приучать, что когда ты приходишь, ты что-то хорошее приносишь. Деньгами они не хотят, а вот какие то небольшие подарочки, приятности, комплименты... Обязательно сказать, какие у вас ресницы красивые, А у вас профиль какой красивый! А у вас голос великолепный. Не каждый день, а как то выборочно, чтобы они не привыкали к этому. Чтобы каждый раз для них это было приятно. Ты приходишь, и они уже ждут чего то хорошего от тебя.

Или, например, плохое настроение у ребенка. Я уже заранее всем позвонила и говорю, Пожалуйста, спасайте, выручайте. Сегодня совсем плохое настроение. Ты скажи, что у него походка настоящая, мужская. Ты — похвали голос, а ты скажешь, что он просто молодец. И смотрю, ребенок уже приходит со школы довольный, счастливый. Меня сегодня похвалили. Я говорю, “Ну, так ты красавчик!”. И вот они уже чувствуют, что они нужны. Надо дать людям почувствовать, что они нужны и делают очень важное дело. И тогда они захотят сделать еще и еще, и еще. Им будет приятно помогать ребенку. Мне так кажется.

У меня дома есть кот старый, и периодически он ложится на спину и подставляет живот. И если ты его как-то не так чешешь, он тебя начинает жрать. На самом деле, наверное, первое, что я всегда делала — приходила просто показать живот. Вот у меня беззащитный живот, беззащитная шея. Ну, жрите. Да, мне нужна помощь, мне нужна помощь по ребенку, мне нужно. Но если человек начинает переходить границы и как то неправильно себя вести, тогда включалась следующая реакция. Сначала прийти, поклониться, сказать: у меня проблема, помогите мне, пожалуйста, чисто по-человечески. И, как правило, это работало. Не работало только в некоторых случаях, этих людей я помню, и к ним я, конечно, никогда не обращусь. В этом случае я говорила что мне очень жаль, и все, я уходила.

Артем

Мы с мамой слетали в Москву. У нее подружка в Москве просто. И мы у этой подружки пожили, дня четыре максимум там были. Я заскучать не успел.

В клинике была очень приятная женщина. Она мне задавала вопросы, как я, в принципе, жизнь живу, и говорит: “У меня вообще никаких вопросов нет. Вижу, что это не от нечего делать, грубо говоря, что это не надуманно”.
Вот и все. И минут за 15 минут мне все оформили, выдали огромное количество справок, выдали заключение комиссии, несколько копий, лицензию клиники. Сказали, что это никому не отдавай. Оригинал подаешь только в загс, по моему, и все. И больше никому не даешь. Ничего не обязательно никому показывать, потому что это медицинская информация, там твой диагноз. Я вообще могу никому не говорить об этом.

Света
Я думала, наверное, так и надо, все складывается: мы за два дня уложились, прошли комиссию, привезли все справки, и дальше она меня не привлекала.

Артём

Вообще там забавная ситуация была, что мы друг на друга смотрим с психиатром, и у обоих ощущение, что мы знаем друг друга, что мы где то виделись. Она меня спрашивает, а мы с вами нигде не встречались? Нет, вы знаете, нет, говорю. Но я тоже думаю, что мы где то встречались, потому что у нее лицо такое. Понятно, что приятное и доброжелательное, но и очень знакомое.

Вика

Вообще никаких вопросов не было. Всё было сделано буквально за два дня. Причем так интересно: дочка мне сказала, что один из врачей, видимо, “тоже из наших”. Я вот не помню, про кого она говорила, про сексопатолога или психолога. Он, говорит, из наших. Откуда ты знаешь? Говорит, у нас встроенный гей-радар. И этот гей-радар реально работает! У меня подруга в России была. И мы с ней близко общались. И она как то пришла в слезах, в соплях, и сказала под страшным секретом, что у нее дочка… лесбиянка! Я внутри себя поржала. Думаю, тоже мне проблема. Дочка лесбиянка, ну и ладно. И эта дочка приехала на каникулы, и мы все вместе, я со своей дочкой и подруга с дочкой, пошли на пруд. Моя, конечно, не купалась. В Футболке в шортах сидела на берегу. Ну и потом, когда мы вернулись домой, я говорю, ты в курсе, что Аня — лесбиянка? Она говорит, “Я сразу почувствовала, я сразу поняла”. А сама я смотрю: девочка как девочка, обычная 16-летняя девочка. Откуда они узнают друг про друга?...

С гёлфренд они познакомились на специальном сайте знакомств для таких вот людей. Когда эти сайты еще были доступны. Они познакомились, сразу оговорили что у них будут только сексуальные отношения. Потом пошли, сдали анализы. Ничего на волю судьбы. Потом они несколько дней встречались. Потом они сняли вместе квартиру на сутки, чтобы, значит, все это дело провернуть. Ну а потом они так совпали. Причем меня в этих отношениях подкупило то, что они друг о друге заботятся. Прямо видно, что они друг над другом трясутся. “Она любит то, она любит это”.

У меня отношения с мамой, как у всех женщин моего возраста, очень и очень напряженные. И мне бы даже в голову не пришло, допустим, своих молодых людей с мамой знакомить. А у нас так получилось, что когда я оформляла очередные документы, дочка пишет, что мы гуляем в парке. Я говорю, а я сижу в МФЦ. И они такие, мы пришли. Выйди, пожалуйста. И вот так меня внезапно познакомили с моей второй дочкой. Я не знаю, она сразу прикипела к моему сердцу. Девочка очень хорошая. Как выяснилось, то, что моя дочка, то, что мой сын-дочка -- лесбиянка, это меня ранит гораздо меньше, чем то, что моя мама -- заядлая зет-патриотка.

Света

И она сразу начала узнавать по операции. И найти не могла, где сделать. Я очень переживала, что документы новые, и телу совершенно не соответствуют. Эндокринолог посоветовал хирурга, этот хирург планировал операцию. Потом он сказал, что нет, не разрешают мне тут это делать, пока нет возможности, если будет, я сообщу. И я боялась даже затевать разговор. То есть документы поменяли, а операцию где сейчас? Никто не сделает. Но потом я прочитала, что и мужчинам делают такую операцию по удалению лишних жировых складок в области груди. А тут наш врач перешел на другую работу в другую клинику, и говорит, приходите.

Я вся внутренне сжималась, когда мы шли в эту больницу. Думаю, сейчас будут коситься, что-нибудь может даже скажут. Но вообще совершенно спокойно все прошло. Врач ее и ведет до сих пор. Периодически она ездит на осмотры. Смотрит, там какая то была гематома. То есть было какое то осложнение, он это всё отслеживает. Я нашла характеристики его, прочитала в Интернете. Ну, во всяком случае, с большой практикой человек, поэтому доверились.

Мне было страшно, честно говоря, заглядывать, делать перевязки и смотреть. Я говорю, слушай, если ты можешь справиться самостоятельно, то пожалуйста. Это не то, что я боюсь, что там где то кровь, у меня прямо такое до сих пор не пережитое, что я сама своего ребеночка под нож отдала. И права ли я, у меня уверенности нет до сих пор. Я вижу по ней что эмоционально это переход границ. Я не могу это объяснить, но это я прям кожей чувствую. Она как будто выдохнула. И слава богу, что у меня были какие-то сбережения, и я смогла ей помочь, но я была в полном отчаянии, что я сама даю своего ребенка резать.

Я же долгое время ездила ей по ушам, что все в голове, внешние изменения не всегда дают желаемые ощущения. Что изменится от того, что изменится тело? Долгое время говорила, ну никто же не неволит, ну одевайся в мужскую одежду, ради бога. Но при этом зачем так серьезно, что и документы, и тело менять? Тем более что до конца изменить его все равно невозможно. Мимикрируй, кто мешает? Я прочитала историю одного человека, который на работе был женщина, дома мужчина. Преображался и жил в свое удовольствие. Он для себя так решил свои проблемы. Мне казалось, чудесный выход, ни социальных, никаких проблем. В обычной жизни ты соответствуешь документам, полу при рождении, и так далее. А дальше, в семье, среди близких, реализуешься как хочешь. Мне казалось, почему бы нет.

Вика

Вообще в психологии таких людей я одного не могу понять, откуда такая демонстративность. Ну вот, допустим, она ходила в колледж в образе мальчика, и ее это очень ломало. Вот я — я девочка, но я хожу в брюках. И у меня была короткая стрижка под мальчика одно время, и меня это никак не ломало. Если в один прекрасный день, не дай бог, случится такое, что мне нужно будет скрываться от кого-то в образе мальчика, меня это не будет никак ломать. Внутри я девочка. Ну ладно, я надену мужской костюм, состригу волосы, начну говорить таким вот таким голосом, таким басом. Но почему это их так ломает?

Допустим, вчера она мне прислала сообщение, что они пошли гулять. И она была в шортах и колготках, при росте 185 сантиметров. Когда там одни ноги — полтора метра, так одеваться не стоит. Абсолютно не стоит. И к ним пристали какие то мужики на остановке,

начали лапать, она говорит, подруга выхватила перцовый баллончик. Хорошо, что подъехал автобус. Ну зачем? Зачем одевать шорты? Ну одень платье. Я понимаю, ноги красивые, но сейчас не то время, когда стоит демонстрировать.

В чате недавно была истерика одной девушки, которая пишет: “Я хочу выглядеть как девушка с накладными ногтями”, а документы у нее не поменяны. Ну вот я же могу ходить не накрашенная, без ногтей и без волос, но меня это никак не задевает. Может быть, это подростковое, конечно, может, с возрастом проходит.

Света

А в одежде очень мрачно все. Я где то увидела хорошее сравнение, мешок из под картошки. Всё такое мрачное, оверсайз, понятно: чтобы грудь спрятать. И была у нее, на мой взгляд, придурь такая, пририсовывать усы и бороду. Я говорю, слушай, сфотографируйся и радуйся фотографии, на улице не надо ходить с нарисованными усами, это выглядит по-идиотски. Она прям обижалась на меня. Я-то считаю, что это прям сумасшествие. Выглядит это неестественно. Так и зачем затевать. Но вот когда какое то там оволосение появилось, тоже мне странно было это все. Мне прям больно было смотреть. Потому что у меня родилась совершенно ангелоподобная девочка. Повезло и с сложением, и с фигурой, и со всем. Ну, не знаю. Я до сих пор по этому поводу эмоционирую, скажем так.

Настя

В общем. Получается, что теперь у меня дочка, но вид у нее непонятный. Приходится как-то прятаться. Она сидит. Она раньше же ходила ко мне, на работе моей ее знали. Мы живем в таком поселочке за городом. Мы недавно здесь, но все равно как-то это очень странно. Такое положение, понимаете, у нас девушка хочет, чтобы ее воспринимали как девушку, да? И от этого зависит ее жизнь, самочувствие, всё. Но так как это не очень понятно для людей, и это опасно вообще-то — заявлять об этом и вообще появляться там, где тебя знали. Вот опасно, просто опасно. Я думаю, что я не хочу, чтобы люди об этом узнали, которые здесь живут. Может быть, все и отнесутся к этому с пониманием и миролюбиво. Но есть же еще у каких-нибудь тетенек сыновья, есть подростки какие-нибудь, есть каки-нибудь дядьки, которым может не понравиться, и начнутся преследования. Вот этого я боюсь.

Ксения

Вначале ребенок надел юбку и поехал в магазин. Ну, понятно, что он в курсе, где мы живем, как настроены люди. Поэтому он старается делать это как бы безопасно, носить, например, маску, чтобы не было понятно, что он мужского пола: юбка, в маске, волосы длинные. И вот он ездит так в районный центр. Один раз он не успел на последний автобус. Телефона у него не было. Он поехал обратно через полицию, обратился в полицию, потерялся. Его довезли с инспектором по делам несовершеннолетних. Я очень опасалась того, что начнутся проблемы. Но нет! Единственное, что заботило полицию и инспектора, это чтобы у нас, как у родителей, не было к ним претензий. Мы подписали несколько документов, где я рукой писала, что претензий не имею, ребенок в порядке. Еще какие то фразы подобного смысла. Более того, мы поговорили с инспекторкой о том, что у ребенка есть какие то особенности развития. Оказалось, что у ее сестры тоже есть ребенок с особенностями развития. И поэтому для нее то, что происходит именно с этим ребенком, нормально, она спокойно к этому относится.

Артем

У меня в университете был тоже трансгендерный парень. Он чего то спрашивал меня по поводу пасса, как сделать. Я ему периодически подсказывал, и такое было, что он мне пишет, “Вот, дисфория пипец”. Я думаю, он же не просто так не пишет. Я же его, наверное, могу лучше всех понять. Говорю, давай, может быть, чуть подскажу, что тебя беспокоит. Он говорит, я низкого роста. Но это же вообще не проблема! Есть очень много мужчин низкого роста, очень много женщин низкого роста. Это вообще ничего не значит. Высокий не значит мужчина, низкий не значит женщина. Потом говорит, меня часто с девушкой путают. Я говорю, ну ты в юбке в университет ходишь. Я не хочу ничего сказать. Не значит, что мужчинам нельзя носить юбки, но... И имя. Подойди к преподавателю, скажи, я меняю документы. Он говорит, волосы длинные. Я говорю, ну, подстригись. Он говорит, не хочу. Я говорю, ты либо не хочешь, чтобы тебя с девочкой путали, либо ты не хочешь волосы стричь. Никто не говорит, что если мужчина, то нельзя длинные волосы. Есть огромное количество мужчин с длинными волосами, у нас буквально одногруппников с длинными волосами было чуть ли не больше, чем с короткими. Поэтому не проблема. Дело не в этом. Дело в том, что тебе некомфортно.

Ну, в общем, ничем это не закончилось. И потом вообще выяснилось, что он в своем Инстаграме говном меня поливал и говорил, что я п0зер, потому что я на первом курсе еще не был на гормонах и у меня документы не были сменены. Типа вот я такой до фига крутой. И не стесняюсь и все такое. И прошу преподавателей о том, чтобы они в списках по-другому записали. И вообще мне “повезло больше с лицом”. Ну конечно, я же ничего не делал для того, чтобы там улучшить, грубо говоря, свое восприятие другими людьми. Это же мне просто повезло и всё.

Света

У ребенка плохо там все с экзаменами, не сдается сессия. Она мне говорит, “Я хочу в академический отпуск”. Я сначала очень переживала, а потом, что я буду, поперек ложиться?. Ну иди. И как ей объяснили, что оформление академа требует какой то причины, какого то основания, поэтому легче отчислиться и восстановиться. И как только она отчисляется, я подозреваю, что университет подает сведения, и ей приходит повестка. Для уточнения данных. Это было испытание на прочность, да. Я села и понимаю, что я не могу двигаться. И не знаю, что делать. Это для меня ужас ужасный. Это такая подростковая безалаберность! Как можно отчисляться из университета, когда идет война? И вообще нафиг это надо, когда такое творится вокруг? Это мой самый большой страх.

Артем

Когда мне повестка пришла, я не испугался. Мне все равно было. Я сказал своим друзьям "Прикиньте, пришла повестка" "Чёё, а должна?". Я говорю "Нет, но пришла". Они такие, ржака. Я такой, да ваще угар. Мне друг один сказал, что если что то пойдет не так, то есть, короче, вариант, для которого нужно 150 000 и прописка в Ленинском районе. Я говорю, понял, но пока, наверное, ничего не надо.

Я пришел, там 200 человек в очереди на второй этаж. Никто не понимает, куда чего. Я пришел сначала с адвокатом. Я бы и один, наверное, сходил, но мне было бы чуть-чуть более тревожно. Просто потому, что я не знаю, чего там делать, куда идти, новое место. Мы сходили. В основном адвокат понадобился для того, чтобы он там кого-то выловил, спросил, что делать в такой ситуации.

Сначала мне сказали, чего-то мы ваше личное дело найти не можем, приходите в другой день. Я говорю, естественно, вы его найти не можете, его нету, скорее всего. Откуда оно у вас? Что там может быть написано, какие документы у вас вложены туда? И вот сейчас, когда я знаю, как это делать, это еще более смешно звучит. Потому что когда мне говорят "ваше личное дело у нас есть, но мы не можем понять, где оно" -- хаха.

Еще до этого юрист поймал женщину какую-то, сказал, что типа, вот у нас смена документов, что надо делать? Естественно, они это называют сменой пола, хотя я вроде ничего не менял. У меня тут как был ламинат, так и лежит. Не знаю, про какой они пол говорят и что это вообще значит? [смеется]. Ну, посмотрела на меня, говорит, сейчас мы начальника позовем, какого то чуть ли не генерала. Он приходит, юрист ему все то же самое рассказывает. Я просто стою, молчу, он все за меня делает. Генерал посмотрел на меня сверху вниз, такой, УГУ. Ушел чего-то искать. И потом я пришел с анализами на эту медкомиссию, говорю у меня нет личного дела, нет приписного. Надо все сделать. Давайте? Тетя там такая, давайте. Давай документы сюда. Смотрит, там копия паспорта, смотрит, что мне там 21 год. Говорит Ну,и где ты был. Я говорю, А меня год назад то и не было, собственно. Она такая "Интересно!" Посмотрела, долистала до справки, такая "понятно", начала печатать и говорит "Ой. Откуда ж вы все повылазили то такие?" Я говорю "вот вы повестки наприсылали, вот мы и повылазили". Она поржала и закончили на этом. Она мне дала личное дело, я с ним пошел по врачам.

Первый, не помню, кто это был, наверное, ЛОР, говорит, "Ну и что мне тут писать, Что мне с этим делать?" А дальше глаза проверили, я пошел в следующий кабинет, там нарколог и какой-то лысый дяденька с усами, смешной, старенький. Он меня тоже посмотрел. И я пересел к этой женщине наркологу. Столы у них сдвоены, нужно со стула на стул пересесть, чтобы другой врач начался. Она спрашивает, наркотики не принимаешь? Нет, не принимаю. Смотрит, у меня татуировка на рукке. Там собачка и над ней написано Good Boy. С сердечками. Я ее набил, потому что мне моя девушка нарисовала прямо на руке эту собачку. Я такой, прямо так и набью. Но я ж эту историю не буду всем рассказывать, Зачем им эта история? Я говорю "у меня собака была, в ее честь". Врач говорит, тогда все хорошо. Эта собачка хороший мальчик, какая должна быть у нее история, чтобы все было плохо? я не знаю. Мне просто любопытно, что мне нужно было сказать, чтобы она такая: “у тебя с головой не в порядке, ты, наверное, наркоман”.

Потом я вернулся в тот кабинет, где было закрыто. Мне сказали, по пояс раздеваемся, заходим. Я такой, без проблем, конечно. Вообще я обычно с этим хожу, с пАкером. Причем история его получения тоже забавная. Есть в Питере какой-то энтузиаст, который их делает, и, естественно, они не фабричного производства и стоят прилично. А я общался с мужчиной, лет 30 с чем-то. И он такой “Да, блин, я купил, а он, короче, говно какое-то. Мне не понравилось. Неудобный. Типа, хочешь?” И я у него купил.

А в тот день я без него был, потому что не знал, стоит ли даже, и, в общем, чуть-чуть неловко было. Но в целом пофигу, прикрылся чуть-чуть и все. Там вот эти кабинеты врачей, они как сквозные, такой коридор из врачей с небольшим разделением в виде перегородок. И я слышу, что тот мужчина, врач, усатый лысый дедушка, с наркологом обсуждают меня в том плане, что я раздеваюсь, а эта женщина такая "ну что, мальчик и мальчик, и ладно". Я такой думаю, "ну вообще-то да, это так, чо!".

Потом он говорит, вставай боком, поворачивайся и ногу поднимай. Я думаю, интересные у вас, конечно, осмотры, но поднял ногу. Он такой, всё, иди отсюда, одевайся. [смеется] Что этот осмотр выявляет, интересно?

В последнем кабинете тоже смешно было. Я прихожу, женщина начинает орать сразу же, что типа, мне 21, где я был? Мне в 15 лет нужно было явиться, в 18 уже второй осмотр проходить. Я говорю, у меня тогда документов не было, она такая “Да какая разница? Было, не было. Ты должен был все равно прийти”. Я говорю, “Ну, это замечательно, но меня бы не пустили”. Она меня проигнорировала, но я с ней не спорю. Ей хочется покричать -- пусть она кричит. Я подожду просто, пока она успокоится, если что, объясню ей. Она сидит, агрессивно листает мое личное дело. Долистывает до справки и такая "Аааaа, вона чё, ну, надо было сразу так сказать, чо ты", и добреет, вообще растаяла. Я говорю "Ну, тогда вы были заняты тем, что на меня кричали".

Естественно, каждый врач мне сообщил, что вчера такой же был типа, ну, еще один. Я говорю “Супер! Спасибо что сказали! Вообще класс!”.

Я пришел еще потом к психиатру, и он мне сказал, что я поеду подтверждать свой диагноз в городскую психиатрическую больницу, меня должны понаблюдать, что я адекватный человек, такое. И после этого он негодность поставит. Я говорю, я не понимаю, зачем мне подтверждать. У меня уже есть справка, подтверждает диагноз. Он мне сказал, "Я не

знаю, какие-то невероятные танцы с бубном, но вот, я буквально вчера пытался уже сразу выписать, и всем надавали по шапке". За что? Непонятно, он говорит, я тоже не понимаю, зачем. Но дядька, в принципе, был приятный и говорит, что типа, ничего страшного, не бойся, ничего там не будет. Главное сходить, потому что не сходить это, грубо говоря, страшнее, чем сходить. Это значит, что есть, что скрывать.

Вика

Я не знаю, что будет, если папа узнает. Это будет жестокое избиение. Последний раз они виделись когда уже дочка уже в виде девочки шла по торговому центру. И когда она увидела папу, она говорит, “я просто заскочила в первый попавшийся магазин, у меня был шок, ужас. Я чуть в обморок не упала”, и она примчалась домой в истерике. Долго приходилось успокаивать. Вариантов перед папой открыться нет. Из семьи знаем я, мой нынешний муж, европеец, и когда я перевезла сюда младшего сына, я рассказала ему. Он — сама непосредственность. Я боялась, что он ляпнет или папе, или одной из бабушек, и будут большие неприятности. Ну, кстати, реакция младшего порадовала, потому что когда я ему аккуратненько об этом всем рассказала, ты же понимаешь, у нас не вполне обычный это брат, это все равно видно -- он начал петь песенку “Сестробрат, сестробрат, славный, веселый малыш, сестробрат”. Это было очень смешно.
[мелодия песенки]

Ксения

Мне очень тяжело было с моей семьей. И до сих пор тяжело, несмотря на то, что мы пришли к общему знаменателю, вроде бы. И я вроде как простила, но я не забыла. Чужие люди, сотрудники МФЦ, сотрудники ЗАГСа, сотрудники консульства, которые вообще никто моему ребенку, оказались гораздо более адекватными, понимающими, толерантными. Возможно, потому что это были не их дети, не их внуки, не их племянники. Но я не думаю. Я думаю, что они просто оказались людьми. И очень неприятно, когда ты обнаруживаешь нЕлюдей в своей семье, среди своих близких. Это ужасно. Но на самом деле они, наверное, всегда такими были. Просто пришло время, когда каждый показал себя тем, кто он есть.

Я ничего не жду хорошего. Я каждый раз выхожу, что называется, в полной боеготовности. Я каждый раз удивляюсь и и радуюсь, когда встречаю таких людей, как директор нашей школы, с которой мы были в крайне плохих отношениях. Школа, в которой у меня ребенка

затравили. И сейчас она пришла и сказала, “Слушай, давай я попрошу руководство, чтобы ребенку выписали аттестат без отчества”. Я говорю, “Ты попроси, конечно, но никто не разрешит”. Она говорит, “Давай попросим”. Ей 74 года! Психиатры, по которым я таскала ребенка последние пять лет. Обычные, нормальные, участковые. Казалось бы, обычные люди, которые говорят “ну да, нормальный мужик растет, ты чего расстраиваешься?” И ржут.

Артем

Я переехал в бабушкину квартиру на свой день рождения. Мы с мамой поехали в Питер, вернулись, и отец не спросил ничего, ни как день рождения прошел, ни что мы делали. Такой, иди мой пол, к тебе гости придут завтра. Я такой, ну я утром помою, а он: утром не помоешь. Я говорю, с хера ли. Помою по-быстрому. Он такой, Ты всегда говоришь, что помоешь, ты не помоешь. Ну, хорошо. Хорошо, сейчас помою. Сейчас не хочу, но помою. Но поскольку я не хочу сейчас мыть, мою как-то так, по быстрому, я считаю, что нормально помыл. Он начинает орать, что ты неправильно моешь. Я говорю ты типа умный, покажи, как правильно научи меня хоть чему нибудь, а то я всё неправильно делаю. И слово за слово, он начал на меня орать матом, я начал на него орать матом. Он такой “Ты чего, охерел, что ли?” Я говорю, “ты со мной так разговаривать не будешь”. И он хватанул меня за шею, типа за горло, хотел придушить, не придушить, не знаю, но у меня остались нормальные такие гематомы. И я его тоже хватанул, но просто из-за того, что я меньше раза в четыре, я слабее. Я его просто за кадык схватил. И вцепился, крутить начал, потому что я понимаю, что ему неприятнее, чем мне, мне-то хоть есть, за что хвататься. Он меня отпустил, испугался. Не ожидал, что я отвечу. В общем-то, и все. Я ушел сначала на улицу, потом вернулся, пытался с ним разговаривать, до мамы дошел. Она такая, это чего у тебя? Я говорю, где? Я же не знал, что у меня вот эти синяки будут. Я говорю не знаю, мужа своего спроси, и ушел. Потом мама мне сказала, нет, тут ты спать не будешь, и праздновать мы тоже тут не будем. Давай в бабушкиной квартире. И все. И там день рождения праздновали, и я там остался. И я с ним не разговаривал больше.

Света

У нас очень сложно с папой. Там были и грубости по поводу внешнего вида и так далее. И у нас, в принципе, с мужем сложные отношения, непростые, и у них между собой контакта

нет. Он иногда прямо сильно жесткий, он авторитарный, требует подчинения, уважения к себе. А это вообще не про нее. С ней надо договариваться. Сотрудничество, не диктаторство. А папа прям диктатор, по сути, он так воспитан. То есть, прямо коса на камень.

И когда он поднимает руку, я говорю "Уезжай, тебе есть, где жить, это вопрос безопасности". И сейчас мне кажется, что это было спасением для всех. Потому что и отцу тяжело понять, и он не знает, как реагировать. Он не деятель, ему проще просто не разговаривать об этом. Я все боялась, что он начнет задавать вопросы. Он же видит, что внешне ребенок превращался в мальчишку, и он не мог это не замечать. Но до сих пор он никаких лишних вопросов не задает. Тут много и из семьи, и от характера. Человек такой, если кратко говорить, авторитарный. И далеко не всегда педагогично себя.... Поэтому так и живем. Обходим эту тему. Даже сейчас.

Настя

Муж как-то смирился с этим. Он хочет, наверное, чтобы ребенок поскорее куда-нибудь уехал и вообще не светился здесь. Чтобы вообще об этом не думать. Это его не родной ребенок, он у меня от первого брака. Муж очень любил этого ребенка. Он был маленький, когда мы женились. И для мужа это очень горько. Я понимаю его чувства, что он для него очень большое разочарование. Сначала вообще очень сильно скандалили и было очень большое неприятие. Конечно, ребенок чувствует такое к себе отношение.

Положение ее, в общем-то, очень странное. Ее как бы нет, том виде, в котором она хочет быть. У меня очень большая надежда на то, что нам удастся помочь ей уехать. Из страны. Она пыталась как-то в город уехать. Но в городе не может найти работу, и денег нет, и что-то надо снимать. И при устройстве на работу получается: либо это очень маленькая зарплата, где ты не сможешь оплачивать свою жизнь и жилье, либо работодатель, увидев ее, отказывается.

Я вот хочу понять, что же они чувствуют при этом? Как они это начинают понимать? Потому что это очень тяжелое бремя, быть человеком не в своем теле. Это вообще непонятно как. Многие же считают, что такие люди вообще не должны жить. Что это вообще уродство, которое должно быть искоренено.

Вика

Если честно, в один прекрасный день меня посетила мысль, а мне что нужно, шашечки или ехать? Мне важно, чтобы у меня был ребенок определенного пола или чтобы у меня ребенок был счастливым? Счастливый ребенок, что еще маме нужно. А там, какого цвета у него волосы, что у него там между ногами, какого местоимения он от тебя теперь требует, ну какая разница.

Самое интересное, в душе я уверена, что это действительно девочка, потому что когда мы общались в образе мальчика, это было закрытое, немножко агрессивное, истеричное существо, недовольное жизнью, под постоянным прессингом, с какими-то претензиями. Такой ежик, колючий, к которому ближе, чем на два метра, не подойдешь, потому что он кидается иголками. А в образе девочки это такое жизнерадостное существо, которое смеется, улыбается. Мы можем разговаривать вообще на все темы. То есть, я в курсе и подробностей личной жизни, и медицинских вопросов. Советы по поводу одежды. Я учила ее недавно делать маникюр по видеосвязи. То есть получается, что с девочкой, с дочкой мне общаться комфортнее.

Ксения

Нет людей, которые этому счастливы. Ни одна мать не сказала: Боже мой, какое счастье, мой сын или дочка лесбиянка, или мой ребенок трансгендерный. Они потом это примут. Но это так тяжело, никто этому не обрадуется. Тот ад, который проходят родители, и общение с близкими, с родственниками, с друзьями, все эти косые морды, все это пренебрежение, это же надо в себе всё. И это нельзя показать дома, это нельзя показать ребенку. С ребенком ты должен быть турецким аниматором, у тебя все хорошо, все классно. Вы со всем справитесь. Знаете, что помогало? Когда было совсем плохо, я начала вязать кукол. Я понимаю, что я не могу переделать ребенка. Но я могу переделать игрушку. Что-то пошло не так — я ее распустила и связала заново. Что-то опять не понравилось, я опять распустила. И вот этот момент, что я хоть что-то могу контролировать в этой жизни, хотя бы нитки, крючок, спицы. Очень, кстати, помогает.

КОНЕЦ